

КРЕПОСТЬ ЭРЕБУНИ ԷՐԵՒՆԻ ՄԱՐԻՆԵ

Составитель Александр Николаевич Гаркавец

С участием Маргариты Эванд

Издание

Совместного Армянско-Казахстанского предприятия

«Арарат»

Алматы 2005

ББК 86.3

А 83 **Крепость Эребуни** / Составитель Александр Николаевич Гаркавец. С участием Маргариты Эрванд. – Алматы: Баур, 2005. – 192 с.

Книга состоит из четырех блоков. Прежде всего, в ней приведены выдержки из сочинений отцов истории – Геродота, Ксенофонта и Мовсеса Хоренаци об Армении. Затем предложена лаконичная выборка из фундаментальных трудов академика Бориса Борисовича Пиотровского и его учеников и соратников, которые извлекли из-под вековых наслоений бесценные реликты древнейшего города на территории Еревана – крепости Эребуни на холме Аринберд, а равно и ее преемницы – крепости Тейшебаини на холме Кармирблур. Большое место в книге занимает словарь урартских и армянских древностей, в который мы включили также необходимую природоведческую и культурологическую информацию, без которой не каждому легко понять, что имеют в виду специалисты, рассуждая об артефактах привычным языком терминов. Завершают книгу энциклопедические статьи о наиболее выдающихся ученых-урартоведах, усилиями которых раскопаны древние города и прочитана их клинописная хроника.

Надеемся, что эта книга сумеет хоть как-то удовлетворить естественное любопытство наших соотечественников, а также стимулировать профессиональный интерес исследователей к полуоткрытому прошлому армянского народа и сопредельных этносов.

ISBN 5–7667–3603–7

© Центр евразийских исследований «Дешт-и-Кыпчак», 2005

© А. Н. Гаркавец: составление, 2005

© Л. А. Гаркавец: дизайн, 2005

Г 4602000000-0-0 Без объявления
00(05)-05

ISBN 5—7667—3603—7

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ВЕКОВ ЭРЕБУНИ – ЕРЕВАНА

Еще немного – и мир торжественно отметит 2800-летие одного из своих древнейших городов – столицы братской Армении, поистине вечно молодого Еревана. Год его рождения известен достоверно: в 782 году до нашей эры урартский царь Аргишти I, вторгшись в пределы страны Аза, подчинил себе ее значительную территорию и на одном из стратегических холмов соорудил город-крепость Эребуни, по иному чтению – Ирапуни.

Вслед за Эребуни в плодородной долине Аракса были возведены и другие урартские города – Аргиштихинили на левом берегу реки Аракс, еще несколько укреплений и наконец монолитная крепость площадью в 6 гектаров Тейшебаини на холме Кармирблур, на северо-западной окраине современного Еревана.

Эребуни не намного меньше Тейшебаини, но ее стены показались урартскому царю недостаточно прочными, и потому он принял решение о возведении новой цитадели со стенами толщиной до 2,5 м и перенес туда администрацию своего наместника вместе со жрецами, гарнизоном, челядью, дворцовым и храмовым убранством, сокровищницей и кладовыми. Однако стратегический расчет урартского царя оказался порочным, ибо не стенами сильны твердыни, а духом обороняющихся. И устроенные на покоренных землях крепости пали одна за другой под напором ожесточившегося ме-

стного населения и союзных киммерийцев и скифов. Своды Тейшебаини в одночасье вспыхнули, подожженные пламенем возмездия, и рухнули, похоронив под собой и защитников, и оружие, и сокровища, и утварь, и снедь. И когда археологи раскопали Эребуни и Тейшебаини и сравнили содержимое крепостей, погребенных под рассыпавшейся глиной кирпича-сырца, то увидели, что Эребуни мало что может рассказать о себе, но о величии города-предшественника на каждом шагу свидетельствуют реликты Тейшебаини.

И почти каждое слово, выписанное клинообразными знаками на базальтовых блоках здесь, находит подтверждение в аналогичных надписях по всей стране Урарту, начиная с его столицы – города Тушпа у озера Ван и кончая подобными надписями в других местах. Ни одно местное сообщение не опровергается ни ассирийскими каменными и глиняными летописями, ни менее живучими папирусами. Более того, стены ассирийских дворцов воочию иллюстрируют расцвет и падение Урарту – одного из древнейших и могущественнейших государств Евразии.

Собирая материал об Эребуни, мы убедились, что письменное повествование об этом предке Еревана начинается задолго до его появления на горах Араратских – с допотопных в буквальном смысле этого слова времен. А в “послепотопные” времена

картина становится все более и более выразительной. Как явился Эребуни на свет и чем жил – об этом подробно рассказывают местные клиновидные и пиктографические тексты, и не только торговленные, царские и жреческие, но и хозяйственные, бытовые. Эти сведения собрали и сделали всеобщим достоянием западноевропейские и отечественные археологи и палеографы, историки и этнографы, имена и труды которых приводятся в настоящей книге. Но многого наука пока еще не знает. А народ многим доставшимся издревле пользуется и даже не догадывается, откуда оно взялось.

Так обстоит, например, дело с оросительным каналом, по которому вода из реки Раздан через туннель в скале проходит в долину на правом берегу и дает жизнь местным ереванским садам и огородам. Оказывается, этот канал, действующий сегодня с завидной исправностью, без капитальных и прочих ремонтов, сооружен в эпоху процветания Урарту, и о нем сообщают наскальные письмена.

По остаткам виноградных ягод, сохранившимся на дне огромных кувшинов-карасов Эребуни и Тейшебаини, наши виноградары определили сорта древнего винограда и установили их генетическую связь с современными местными сортами – и с семечками и без семечек.

Лепешка в виде калача, разделанная говядина и конина (времена-то языческие, то есть дохристианские), сыр на сычужной закваске с добавлением изюма, пиво на ячменном солоде, белое и красное

вино в карасах, черпаках, кувшинах и ритонах в виде рогов и многое другое – обо всем этом, столь близком каждому армянину, наглядно свидетельствуют археологические находки. Причем не посредством отдельных и потому якобы случайных, не вызывающих достаточного доверия экземпляров, а огромной массой однородных предметов. Если карасы – то сотни, вместительностью от 650 до 1200 литров, если кувшины – то более тысячи штук, если чаши или светильники – то десятки и сразу и т. д. и т. п.

Это истинная правда – есть что изучать ученому человеку в крепостях Еревана и есть чем гордиться великому народу: если горы – то библейские, если наскальные письмена – то сплошными базальтовыми стенами, если приняли христианство – то еще при жизни Иисуса Христа, а как государственную религию – на заре христианства (в 301 году), если создали собственную письменность – то сохранили ее сквозь века и соорудили для собранных письменных сокровищ лучшее в мире хранилище в монолитной скале... И тем сберегли себя как народ, как нацию – с великим прошлым, удивительным настоящим и надежным будущим.

Мы с восхищением трудились над этим собранием разнообразных сведений об Эребуни и Урарту, о древней и современной Армении. И нам верится, что и Вы, дорогой читатель, будете изучать эти страницы к Вашей и нашей радости.

А. Н. Гаркавец

Арагатские горы. Вид с юга.

Арагатские горы. Вид с севера.

ОТЦЫ ИСТОРИИ ОБ АРМЕНИИ

I. Геродот. История

Книга I. Клио. 194. Теперь я перейду к рассказу о самом удивительном из всего, что есть в этой стране (кроме самого города Вавилона). Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи остов обтягивают плотными шкурами наподобие *круглого* днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой *для обертки груза* и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загибают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой отталкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза. На каждом судне находится живой осел, и на больших – несколько. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и *плетеный* остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно.

Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом. Таковы у них *речные* суда.

195. Одевание же у вавилонян вот какое. *На теле* вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх – другой шерстяной. Затем поверх накидывает еще тонкую белую хламиду. Обувь у них – общепринятая *в этой стране*, похожая на беотийские сапоги. Отпуская длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное. Носить посох без такого изображения у них не принято. Таково внешнее обличье вавилонян...

Книга VII. Полигимния. 73. По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменной местопребывания изменили и свое имя на фригийцев. Армении же, будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское оружие. Начальником тех и других был Артохм, женатый на дочери Дария.

Геродот. История. В 9 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. – М.: АСТ, Ладомир, 2001.

II. Ксенофонт. Анабасис, или Поход Кира

Книга III

5. ...⁽¹⁵⁾ Те *пленные* рассказали, что дорога к югу идет на Вавилон и Мидию; по ней эллины пришли сюда. Дорога на восток ведет к Сузам и Экбатанам, где, как говорят, царь проводит лето. Дорога на запад, после переправы через реку, ведет в Лидию и Ионию, а горная дорога, обращенная к северу, – к кардухам. ⁽¹⁶⁾ Это племя, по их словам, живет на горах. Кардухи воинственны и не подчиняются царю. А когда однажды царское войско численностью в 120 000 человек напало на них, то никто из царских солдат не вернулся обратно – столь трудны там условия местности. Однако, когда они заключают договор с сатрапом на равнине, то вступают с ним в сношения. ⁽¹⁷⁾ Выслушав это, стратеги отделили от прочих тех людей, которые уверяли, будто они знают местность, расположенную от них в том или ином направлении, но ничем не обнаружили, куда они собираются направить путь. Стратеги решили, что необходимо проникнуть в горы к кардухам, так как пленные говорили, что, пройдя эту область, они придут в Армению, страну обширную и богатую, которой правил Оронт. А оттуда, как они уверяли, легко пройти, куда угодно. Затем стратеги совершили жертвоприношение, чтобы быть готовыми к выступлению в поход, когда это потребует, так как существовали опасения, что горный проход может

быть заранее занят неприятелем. Они отдали приказ солдатам, закончив все приготовления, после обеда отдыхать и выступить в поход по первому сигналу.

Книга IV

3. ⁽¹⁾ В течение этого дня эллины стояли в доревнях, расположенных над равниной реки Кентрита. Ширина Кентрита равняется примерно 2 плетрам, и эта река образует границу между Арменией и страной кардухов. Эллины при виде равнины облегченно вздохнули. Река находилась на расстоянии 6–7 стадий от гор кардухов. ⁽²⁾ Здесь они с наслаждением отдыхали, располагая продуктами и вспоминая о многих перенесенных трудах. Ведь те 7 дней, в течение которых они проходили область кардухов, были полны непрерывных боев, причем эллины понесли здесь такие потери, каких не причинили им ни царь, ни Тиссаферн, вместе взятые. Поэтому они с радостью предались отдыху, словно все бедствия остались позади.

⁽³⁾ Однако при наступлении утра они увидели на той стороне реки вооруженных всадников, готовых, по-видимому, помешать переправе, а также пехоту, выстроенную на холмах выше всадников, с целью воспрепятствовать вторжению эллинов в Армению¹. ⁽⁴⁾ То были наемные войска Оронта и Артуха – армены, марды и халдеи. О халдеях говорили, будто это народ независимый и

¹ Наемники Кира вновь вступают теперь на территорию, подвластную персидскому царю, и навстречу им снова выходит персидское войско под начальством сатрапа. То была восточная Армения – персидская сатрапия, которой управлял зять Артаксеркса Оронт. Западная Армения занимала, по-видимому, область к югу от Эрзерума между обоими рукавами верхнего Евфрата. Арменами назывался союз племен, обитавших в восточной и западной Армении. Впоследствии армены распространились дальше на восток, объединились с племенами, жившими за оз. Ван и у оз. Урмия, и образовали Армянское царство. Рассказ Ксенофонта о прохождении греческого войска через западную и восточную Армению содержит в себе чрезвычайно ценное для истории народов Закавказья описание образа жизни арменов на ранней стадии их социально-экономического развития. О происхождении армян по ранней истории Армении см.: Я.А. Манандян. Краткий обзор истории древней Армении. М.-Л., 1943; Б.Б.Пиотровский. О происхождении армянского народа, 1946; Г. Капанцян. Хайаса – колыбель армян. 1947.

храбрый; оружие у них состояло из больших плетеных щитов и копий. (5) Те холмы, на которых они выстроились, находились на расстоянии 3 или 4 плетров от реки. Дорога, которая была видна эллинам, вела вверх и была единственной и, повидимому, искусственной дорогой. (6) Напротив нее эллины пытались перейти реку. Но когда при этом вода поднялась им выше груди и дно оказалось неровным и покрытым большими и скользкими камнями, причем оружие нельзя было нести погруженным в воду, так как его уносило сильное течение, а те воины, что пытались нести оружие на голове, оказались уязвимыми для стрел и другого метательного оружия, тогда они отступили и расположились лагерем у реки. (7) А там, где они сами провели прошлую ночь на горах, они увидели множество вооруженных кардухов. Тогда эллинами овладело сильное уныние, так как они убедились в непроходимости реки, видели впереди себя людей, собирающихся помешать переправе, а также видели кардухов, готовых напасть сзади на переправляющихся.

4. (1) Совершив переправу около полудня, эллины построились и прошли по Армении не менее 5 парасангов, следуя все время по равнине и невысоким холмам; ведь вблизи реки не было деревень из-за войн с кардухами. (2) Та деревня, в которую они пришли, оказалась обширной, в ней находился дворец сатрапа, и большая часть домов здесь была с башнями. (3) Продовольствие имелось в изобилии. Отсюда они прошли в два перехода 10 парасангов, пока не пересекли истоков реки Тигра. Отсюда они прошли в три перехода 15 парасангов до реки Телебоя². (4) Эта река красива, но не велика. Около нее много деревень. Эта местность называется Западной Арменией. Правителем ее был Тирибаз – друг царя; в его присутствии никто

другой не помогал царю при посадке на коня. (5) Этот Тирибаз подъехал к эллинам в сопровождении конницы и через посланного вперед переводчика передал, что желает вступить в переговоры с начальниками. Стратеги решили выслушать его и, приблизясь на расстояние, с которого можно было расслышать речь, спросили, чего он хочет. (6) Он сказал, что хотел бы заключить договор, обязуясь не причинять эллинам никакого вреда и, требуя от эллинов не жечь дома и брать только необходимое для них продовольствие. Стратеги согласились, и договор был заключен на этих условиях.

(7) Отсюда они прошли по равнине в три перехода 15 парасангов, и Тирибаз со своим войском следовал за ними на расстоянии примерно 10 стадий. Эллины прибыли ко дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням, полным всяких припасов. Они расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег. Поэтому утром решили разместить солдат, и всех начальников по квартирам в деревнях, так как нигде не было видно неприятеля и казалось, что обильный снег достаточная гарантия безопасности. (9) Здесь у них было много *продовольствия* и всяких благ: убойный скот, хлеб, старые душистые вина, изюм, всевозможные овощи. Между тем солдаты, рассеявшиеся по окрестностям лагеря, говорили будто они видели ночью много костров. (10) Поэтому стратеги решили, что небезопасно стоять на квартирах и надо вновь собрать войско воедино. Войско соединилось, и казалось будто погода проясняется. (11) Но в то время, как они, таким образом, проводили ночь, выпал такой глубокий снег, что он покрыл оружие и лежащих на земле людей и как бы сковал по ногам вьючный скот. Было очень боязно встать, потому что выпавший и нарастающ-

² Река, которую Ксенофонт называет Телебоем, очевидно, является на самом деле южным рукавом Евфрата, современным Мурадсу. За ним начиналась область западной Армении, составлявшей по административному делению Дария 13-ю сатрапию Персидского царства (Геродот III: 93). Правителем ее был уже не Оронт, пытавшийся помешать переправе греков через реку Кентрит, а другой сатрап – Тирибаз.

ший снег согревал лежащего под ним человека. (12) Когда же Ксенофонт решил встать не одетым и начал колоть дрова, то тотчас же встал еще один человек, отнял у него топор и принялся за рубку дров. Вслед за этим и другие начали подниматься, разжигать костры и натираться мазью.

III. Мовсес Хоренаци. История Армении

Книга I

6. О том, что другие повествователи о древности частично согласны с Моисеем, частично же расходятся с ним, и о древних устных преданиях философа Олимпиодора. Мы представили родословие трех сыновей Ноя до Авраама, Нина и Арама, отобрав, по мере возможности, достоверное из многих повествований. Полагаю, что никто из людей мыслящих не станет возражать против этого, разве лишь тот, кто, вознамерившись нарушить истинный порядок, отдал бы предпочтение легендам перед правдивым словом. В таких делах каждый волен тешить себя, как ему угодно.

Но если ты, муж, любящий науку и поручивший нам эту работу, будешь благодарен нам за наши бдения и старания, то я в немногих словах упомяну мнения, изложенные древними повествователями по поводу представленного нами выше, хотя и не могу здесь сказать, нашли ли они все в таком виде в царских книжных хранилищах или же каждый изменил имена, *содержание* рассказов и время по собственному усмотрению, либо же по каким-либо другим причинам. Но как по поводу начала они то придерживаются правды, то искажают ее, — так, говоря о первоизданном, полагают его не человеком первым, а царем, а также называют его нелепыми и бессмысленными именами и приписывают ему тридцать шесть тысяч лет *жизни*, но в отношении числа патриархов и потопа сходны и согласны с Моисеем, — так *о делах* после потопа придерживаются правды, говоря о трех известных мужах, *живших* до столпотворения, по-

(13) В этой стране много мази, которой пользовались вместо оливкового масла. Она готовится из свиного сала, кунжутных семян, горького миндала и терпентина.

Были найдены и благовония, изготовленные из этих же продуктов.

сле плавания Ксисутра в Армению, и искажают ее, изменяя имена и многое другое.

Но теперь я буду рад начать предстоящее мне повествование со *слов* почитаемой мной и превосходящей многих правдивостью Беросовой Сивиллы. “До *строительства* башни, говорит она, и до разделения речи человеческого рода на многие языки, и после плавания Ксисутра в Армению, властителями земли были Зрван, Титан и Иапетосте”. Мне представляется, что это Сим, Хам и Иафет.

“После раздела ими власти над всей вселенной, говорит она, Зрван усиливается и достигает господства над обоими братьями”. Именно его и называл впоследствии маг Зрадашт, царь Бактрии, то есть Мидии, началом и отцом богов и сочинил о нем множество других небылиц, которые повторять нам здесь неуместно.

“Итак, по завладении Зрваном власти, говорит она, Титан и Иапетосте не подчинились ему и ополчились на него войной, ибо он замыслил передать своим сыновьям царскую власть над всем *миром*. При таких смутах, говорит она, Титан завладел некоторой частью наследственных владений Зрвана. Тут вмешивается их сестра Астлик и убеждает их положить конец распре. Они дают согласие на царствование Зрвана, но заключают между собой клятвенный договор с условием истреблять всех детей мужского пола, рождающихся у Зрвана, чтобы он не воцарился потомственно над ними. Поэтому назначают крепких стражей из числа Титанов следить за родами его жен. И после того как двое *новорожденных* были убиты во имя

соблюдения клятвы и договора, их сестра Астлик вместе с женами Зрвана задумала уговорить кое-кого из Титанов спасти остальных детей и отпратить их на запад, на гору, именованную Дюцнкец, которая ныне называется Олимпом”.

Сочтут ли иные это легендой или правдой, но, как я убежден, здесь много истинного. Ибо и епископ кипрского города Констанции Епифаний в своем “Опровержении ересей”, берясь за доказательство праведности и справедливости суда Божьего, говорит также по поводу истребления сынами Израиля семи народов, что “Бог по справедливости истребил эти народы перед лицом сынов Израиля, ибо страна, составлявшая владение сыновей Сима, была *изначально* получена ими в удел, а Хам вторгся и насильно завладел ею. Но Бог, блюдя право и клятвенное условие, воздал роду Хама отмщением, вернув наследство сыновьям Сима”. Кстати, в Божественном Писании упоминаются и Титаны, и Рафаимы.

Однако нам надлежит, хотя бы очень кратко, повторить некоторые древние устные предания, которые рассказывались в старину среди греческих мудрецов и дошли до нас через посредство *лиц* по имени Торги и Банан и еще третьего – некоего Давида. Один из них, сведущий в философии, говорил так: “О старцы, когда я был в Греции и изучал философию, однажды случилось так, что среди мудрых и многоопытных мужей речь зашла о землеописании и разделении народов. Толковали книжные истории – одни – по-одному, другие – по-другому. Но совершеннейший из них, по имени Олимпиодор, сказал так: “Я вам расскажу, сказал он, дошедшие до нас по преданию устные повествования, которые сказывают до сих пор многие из крестьян. Существовала книга о Ксисутре и его сыновьях, которой ныне нигде не найти, и в ней, говорят, было изложено следующее: “После того как Ксисутр приплывает в Армению и ступает на сушу, один из его сыновей по имени Сим отправляется, говорит, на северо-запад разведать землю

и, найдя небольшую равнину у горы с вытянутым основанием, с пересекающей ее рекой, текущей в сторону Ассирии, остается там в течение двух лунных месяцев, называет гору по своему имени Симом, и пускается в обратный путь на юго-восток, откуда он явился. Но один из его младших сыновей, по имени Тарбан, с тридцатью сыновьями и пятнадцатью дочерьми и их мужьями, отделившись от отца, поселяется на том же берегу реки, и Сим по его имени называет эту область Таравном. Местности же, где он сам пребывал, он дает название Цронк, ибо там впервые начали отделяться от него сыновья. Говорят, кроме того, что он какое-то время проживал у границ Бактрии и что там остался еще один из его сыновей; ибо в восточных краях Сима называют Зрваном, и эта область, говорят, по сей день именуется Зарванд”.

Но чаще сказывают все это старцы из Арамова племени на память в сопровождении игры на пандирне в песнях с представлениями и танцами. Ложь или правда в этих преданиях – нам до этого дела нет. Ведь я в этой книге привожу полностью все: и то, что слышит ухо, и то, что написано в книгах, дабы ты знал все и убедился в чистоте моих побуждений в отношении тебя.

7. Краткое сообщение о том, что тот, кого язычники именуют Белом, согласно Божественному Писанию действительно является Небротом. О Беле, современником которого был предок наш Хайк, повествуют многие и многообразно. Я же говорю, что носящий имя Кроноса и Бела – это Неброт, как сходно с Моисеем перечисляют египтяне – Гефест, Солнце, Кронос, то есть Хам, Хуш, Неброт, – опуская Местраима. Ибо они говорят, что первым человеком и изобретателем огня у них был Гефест. Почему же он – изобретатель огня или Прометей – похититель огня у богов, даровавший его людям, что является иносказанием, – к порядку нашего повествования не относится. При этом и очередность египетских династий, и сумма лет от династии пастухов до Гефеста сходятся с тем, что

отмечается у иудеев от времени Иосифа и до Сима, Хама и Иафета.

Но сказанного об этом достаточно. Ибо если мы примемся для твоего сведения излагать в нашей истории все свершившееся от времен столпотворения до наших дней, то когда же доберемся до желанных тебе исторических повествований? Тем более, что и труд, предстоящий нам, долог, а век смертного краток и неведом. Итак, приступая, изложу тебе нашу *историю*, указывая, откуда *берутся сведения* и как *она протекала*.

8. О том, кто и где нашел эти повествования. Рассказывают, что Аршак Великий, царь Персии и Парфии и родом парфянин, отложившись от македонян, воцарился над всем Востоком и Ассирией и, убив в Ниневии царя Антиоха, подчинил своей власти всю вселенную. Брата своего Валаршака он ставит царем в Армении, сочтя это благоприятным для сохранения незыблемости своего царствования. Столицей ему он назначает Мцбин (Нисибин, Нисибис) и включает в пределы его *государства* часть западной Сирии, Палестину, Азию, все Средиземье и Теталию, начиная от Понтийского моря до того места, где Кавказ оканчивается у Западного моря, а также Атрпатакан “и прочее, чего достигнут мысль твоя и храбрость, ибо границы храбрецам, говорит он, определяют их меч: сколько отсечет, стольким и владеют”.

Когда Валаршак основательно упорядочил свое государство и утвердился в своей царской власти, он пожелал узнать, кто именно и какие мужи владели Армянской страной до него; доблестным ли или бездарным принадлежало в прошлом место, которое он будет занимать.

И найдя некоего сирийца Мар Абаса Катину, мужа острого ума и знатока халдейской и греческой грамот, посылает его к своему брату Аршаку Великому с достойными дарами, *прося* открыть для него царский архив. И пишет письмо такого содержания.

9. Письмо Валаршака, царя Армении, Аршаку

Великому, царю Персии. “Аршак, царь земли и моря, особой и обликом воистину сходный с нашими богами, счастьем же и удачей превзошедший всех царей и широтой мысли подобный небу над землей! Валаршак, твой младший брат и соратник, поставленный тобой царем в Армении. Здоровья тебе и неизменных побед!

Получив от тебя завет пещься о доблести и всяческой мудрости, я никогда не пренебрегал твоим наставлением, но проявлял во всем этом заботу и радение в меру моего разума и возможностей. И теперь, устроив под твоим попечительством дела этого царства, я вознамерился узнать, кто именно владел до меня Армянской страной и откуда существующие здесь нахарарства. Ибо не известно, какие здесь были порядки или служение при храмах, не видно, кто среди главных лиц страны первый, а кто – последний, нет ничего определенного – все перепутано и дико.

Поэтому умоляю твое владычество приказать отворить твой царский архив для мужа, прибывающего пред твое могущественное владычество, чтобы он нашел то, чего желает твой брат и сын, и поскорее привез. Я твердо уверен, что наше удовольствие, исходящее из исполнения *твоей* воли, доставит радость и тебе. Будь здоров, взысканный обитанием среди богов!”

Получив это письмо из рук Мар Абаса Катины, Аршак Великий с большой готовностью приказывает показать ему архив, что в Ниневии, радуясь при этом, что его брат, которому он вверил половину своего царства, имеет такие помыслы. А тот, пересмотрев все книги, нашел одну, написанную на эллинском языке, с таким, как говорит он, заглавием:

Начало книги. “Эта книга была переведена по приказу Александра с халдейского языка на греческий и содержит подлинную историю их древних предков”.

Начиналась она, говорит, с Зрвана, Титана и Иапетосте, и в ней каждый на своем месте на про-

тяжении многих лет были расположены в порядке все знаменитые мужи – потомки этих трех мужей-родоначальников.

Из этой книги Мар Абас Катина извлекает достоверную историю одного лишь нашего народа и доставляет ее царю Валаршаку в Мцбин на греческом и сирийском языках. Прекрасный ликом, искусный лучник мужественный Валаршак – красноречивый и разумный, расценив ее как свое главное сокровище, поручает с великой заботливостью сохранять ее в царском дворце, а некоторую ее часть велит вырезать на каменном столпе. Оттуда то мы досконально дознались о содержании историй и повторяем теперь *во удовлетворение* твоей любознательности, низводя наши собственные нахарарства до халдейского Сарданапала и ближе. Начало изложения в ней таково.

“Грозными и величавыми были первые боги – источники величайших на свете благ: начала земли и заселения ее людьми. От них отделилось поколение великанов, нелепых и огромных телом исполинов. Обуянные надменностью, они породили нечестивый замысел столпотворения и тотчас принялись за его осуществление. Но ужасная буря божественного происхождения, взвихренная гневом небожителей, разрушила башню, и боги, наделив каждого непонятным *для других* языком, свергли их в смятение. Одним из них был Иапетостеев Хайк, именитый и храбрый нахарар, меткий стрелок из могучего лука”.

Но покончим с этим порядком повествования, ибо наша цель – не излагать историю во всей ее полноте, но стараться показать первых наших и коренных древних предков. Итак, начиная (повествовать) по этой самой книге, скажу: Иапетостеев, Мерог, Сират, Таклад, то есть Иафет, Гомер, Тирас, Торгом. После чего тот же летописец, продолжая, говорит: Хайк, Араманаек и остальные по порядку, как мы сказали выше.

10. О восстании Хайка. Сей Хайк, говорит он, благолепный и статный, густокудрый, ясноокий и

могучий, славился среди великанов своей храбростью и выступал против всех, кто стремился к единоличной власти над всеми великанами и богородными героями. Он горделиво поднялся против тирании Бела в то время, когда род человеческий распространялся по всей шири земли, среди скоплений неизмеримо тупоумных силачей-великанов. Так как каждый старался там обрести власть над другими, в буйстве вонзая меч в бок своего собрата, то Белу и выпала в то время удача завладеть всей землей. Хайк же, не желая подчиниться ему, после рождения сына своего Араманаека в Вавилоне, снявшись вместе со своими сыновьями, дочерьми, сыновьями своих сыновей, могучими мужами числом около трехсот и прочими домочадцами и приставами к нему пришельцами и всем людом и скарбом, отправляется в землю Араратскую, расположенную в северных краях. По пути он поселяется у подножия горы, на равнине, где осели и проживали немногие люди из числа рассеявшихся еще раньше. Подчинив их, Хайк строит там дом – господское обиталище – и отдает в наследственное владение Кадмосу, сыну Араманаека. Это подтверждает упомянутые древние устные предания.

Сам же, говорит *летописец*, вместе с остальными людьми и скарбом продвигается на северо-запад, приходит и поселяется на высокогорной равнине и дает этому нагорью название Харк, указывающее, что поселившиеся здесь являются отцами рода Торгомова дома. Строит и деревню и называет ее по своему имени Хайкашеном. Также и в этом месте истории упоминается небольшое число людей, поселившихся прежде в южной стороне этой равнины, у горы с вытянутым основанием, которые добровольно подчиняются богородному герою. Это тоже подтверждает упомянутые устные предания.

11. О сражении и о смерти Бела. Продолжая свой рассказ, (летописец) говорит, что Бел Титанид, утвердив над всеми свою царскую власть, по-

сылает одного из своих сыновей в сопровождении преданных людей в северный край, к Хайку, с предложением подчиниться ему и жить в мире. “Ты поселился, говорит он, в краю лютого холода; но согрей и растопи стужу льда своего возгордившегося сердца и, подчинившись мне, спокойно живи в стране моего обитания, где только тебе угодно”. Но Хайк отсылает прибывших от Бела с суровым ответом, и посланец возвращается обратно в Вавилон.

Тогда Бел Титанид ополчается на него с толпой пешей рати; добирается до северного края, до земли Араратской, до окрестностей дома Кадмоса. Кадмос бежит к Хайку, заслав вперед скороходов. “Знай, великий среди богородных героев, сообщает он, что Бел идет на тебя, собрав бессмертных героев и бойцов-великанов ростом до небес. Я узнал о том, что он находится вблизи моего дома, и убежал, и вот поспешно иду к тебе. Итак, поторопись обдумать, что ты будешь делать”.

Бел же, с неукротимым и чудовищно-громоздким полчищем, подобным бурному потоку, низвергающемуся с крутизны, спешил достигнуть пределов обитания Хайка, полагаясь на храбрость и силу своих могучих мужей. Тут разумный и мудрый великан, густокудрый и с искрящимися глазами, поспешно собирает своих сыновей и внуков, храбрых мужей-луконосцев, числом весьма многих, а также прочих, бывших в его подчинении, и достигает берега одного озера с соленой водой, в котором водилась мелкая рыба. Собрав своих воинов, он говорит им: “Встретившись с полчищами Бела, старайтесь подобраться к месту, где будет находиться Бел в окружении толпы храбрецов. Либо умрем и наши люди попадут в рабство к Белу, либо покажем на нем искусность перстов наших и, рассеяв полчище, добьемся победы”.

И продвинувшись вперед на многие стадии, они достигают ровной местности между высочайшими горами. Укрепившись на возвышенности справа от потока вод и глянув вверх, они увидели беспо-

рядочные толпы полчищ Бела, распластавшиеся по лицу земли в безудержном стремительном движении, и Бела, молча и недвижно стоявшего в окружении плотной толпы на бугре слева от вод, как на наблюдательной вышке. Хайк признал в этой группе вооруженный отряд, с которым Бел выдвинулся впереди полчищ, окруженный немногими избранными в военном снаряжении, и увидел, что от полчищ его отделяет большое расстояние. На Беле же был железный, с блестящими привесками, головной убор, медные пластины на спине и на груди, броня на икрах ног и на руках; чресла – опоясанные, слева – обоюдоострый меч, в правой руке – копьё невероятной длины, в левой – щит, справа и слева – отборные воины. Увидев Бела в мощном вооружении и отборных мужей справа и слева от него, Хайк ставит Араманеака с двумя братьями справа, а Кадмоса и двух других своих сыновей – слева, ибо они искусно владели луком и мечом. Сам он стал впереди, а остальную часть рати поставил позади. Построив это подобие треугольника, он стал медленно продвигаться вперед.

Когда великаны обеих сторон сошлись, от их яростной схватки страшный грохот огласил землю; они наводили ужас друг на друга разнообразием способов нападения. Немало было повержено там лезвием меча на землю могучих мужей с обеих сторон, и обе стороны оставались непобежденными в сражении. Столкнувшись со столь неожиданным и сомнительным положением вещей, Царь Титанид пришел в ужас и, повернув вспять, стал подниматься на тот же холм, с которого было спустился. Он надеялся продержаться в толпе, пока подрастет вся рать и он сможет возобновить нападение. Увидев это, Хайк, вооруженный луком, устремляется вперед, приближается к царю, туго натягивает широкий, как озеро, лук и трехперой стрелой попадает в нагрудную пластину; стрела, пройдя насквозь между плеч, вонзается в землю. И тут возгордившийся Титанид, грянувшись о землю, испускает дух. Увидев столь невероятный

подвиг мужества, его полчища разбегаются куда глаза глядят. Сказанного об этом достаточно.

Хайк же на месте битвы строит дастакерт и в честь победы в сражении дает ему название Хайк. По этой причине и область называется ныне Хай-оцзор. Холм же, на котором пал Бел со своими храбрыми воинами, Хайк назвал Герезманакк, что теперь произносят как Герезманакк. Но труп Бела, покрытый зельями, Хайк, говорит *летописец*, приказывает отнести в Харк и похоронить на возвышенности, на виду своих жен и сыновей. Страна же наша, по имени нашего предка, называется Хайк.

12. О происшедших от Хайка родах и потомках и о деяниях каждого из них. После этого в книге рассказано еще многое, но мы изложим лишь то, что подходит к нашему своду.

После всего этого, говорит *летописец*, Хайк возвращается на прежнее место обитания, представляет своему внуку Кадмосу многое из военной добычи, а также именитых людей из числа своих домочадцев. Велит ему поселиться в том же месте, в прежнем его обиталище, а сам отправляется жить в упомянутую равнину Харк. Как мы сказали выше, в те годы, когда он еще жил в Вавилоне, у него родился Араманеак. Затем, прожив еще немало лет, он умирает, поручив весь народ своему сыну Араманеаку.

Тот оставляет в упомянутом Харке двоих из своих братьев – Хора и Манаваза вместе со всем их людом и скарбом, а также База, сына Манаваза. Из них Манаваз наследует Харк, а сын его Баз – северо-западное побережье соленого озера и нарекает по своему имени как область, так и озеро. Говорят, что от них произошли родовладычества, именуемые Манавазеан, Бзуни и Ордуни, о которых рассказывается, что впоследствии, после святого Трдата, они погибли во взаимных распрях. Хор же размножается на северной стороне и основывает там свои селения; от него, говорят, произошел великий нахарарский род Хорхоруни, мужи

доблестные и именитые; столь же отменны и те из них, что живут в наши дни.

Что же до Араманеака, то он, забрав с собой все множество *народа*, движется на северо-восток и спускается в глубокую долину, огражденную высоченными горами и пересекаемую журчащей рекой, текущей с запада. Эта восточная долина как бы запрокинута навзничь, простираясь далеко в сторону *восхода* солнца. У подножия гор бьют во множестве прозрачные ключи, которые сливаются в спокойные реки. Они окаймляют подножия гор и края долины подобно юношам, обхаживающим молодых дев. А южная гора, устремленная к солнцу белоснежной вершиной, круто вздымающейся с земли и постепенно переходящей в пик, окруженная, как выразился один из наших, трехдневной для крепкоподпоясанного ходока дорогой, поистине подобна старцу посреди младших гор. Поселившись в глубине этой долины, Араманеак обстраивает часть ее обращенной к северу стороны и примыкающее к ней подножие горы и дает горе похожее на свое имя название Арагац, владениям же – Отн-Арагацу.

Но летописец сообщает нечто поразительное: во многих местах нашей страны еще до прихода нашего коренного предка Хайка разбросанно проживало небольшое количество людей.

Араманеак, прожив годы, родил Арамаиса и умер, прожив еще много лет. Его сын Арамаис строит себе жилище на холме у берега реки и называет по своему имени Армавиром, а реку – по имени своего внука Ераста – Ерасхом. Сына же своего Шара, многодетного и прожорливого, отправляет со всем его людом и скарбом в ближнюю долину за северными склонами горы Арагац, плодородную и тучную, изобилующую проточными водами. Говорят, что по его имени и область получила название Ширак.

Этим, видимо, и объясняется поговорка, принятая среди крестьян: “Коль у тебя глотка Шара, говорят, то у нас не ширакские амбары”. Арамаис,

прожив годы, родил сына своего Амасию, после чего, прожив еще годы, умер.

Амасия, поселившись в Армавире, спустя годы родил Гелама, а после него – отважного Пароха и Цолака. После их рождения он переходит реку близ южной горы и там, у расщелин ее подножия, с большими затратами строит два обиталища: одно – с восточной стороны, у истоков родников, выходящих из подножия горы, другое – к западу от этого обиталища, на расстоянии около половины долгого дня ходьбы. Он отдал их в наследственное владение двум своим сыновьям – отважному Пароху и резвому Цолаку. Поселившись в них, они назвали места по своим именам: по Пароху – Парохот, по Цолаку же – Цолакерт. Но гору Амасия нарекает по своему имени Масисом. Вернувшись в Армавир и прожив годы, он умирает.

По прошествии лет Гелам родил в Армавире Харма и, оставив его жить в Армавире вместе с его сыновьями, сам ушел на северо-восток к другой горе, на берег одного озерца. Он обстраивает и заселяет берег озерца и дает, также и он, названия по своему имени и этой горе – Гел, и селениям – Геларкуни; так же называется и озеро. Здесь он родил своего сына Сисака, мужа возвышенного, статного, благообразного, красноречивого и отличного лучника. Он передает ему большую часть своего имущества и множество рабов и устанавливает пределы его наследственного владения от озера на восток, до той *части* равнины, где река Ерасх, пробив годные скалы, протекает через длинные и узкие теснины и со страшным грохотом низвергается в долину. Сисак, поселившись здесь, плотно обстраивает пределы своего обиталища и называет страну по своему имени Сюником; персы с большей точностью называют ее Сисаканом. Впоследствии Валаршак, первый царь Армении парфянского происхождения, найдя достойных мужей из числа потомков Сисака, поставил их владетелями страны; это и есть род Сисакан. Валаршак же совершил это по наведении историчес-

ких справок. Как именно это произошло – расскажем в своем месте.

Но сам Гелам возвращается снова на ту же равнину, и у подножия той же горы *Гел*, в небольшом неприступном ущелье, строит дзеракерт с названием Гелами, который потом его внуком Гарником был переименован в Гарни. Впоследствии, во времена Арташеса, внука Валаршака, жил один из потомков Гелама, юноша по имени Вараж удачливый в охоте на оленей, серн и кабанов, метко попадавший в цель. Арташес назначает его начальником царской охоты и отводит ему селения у берегов реки, именуемой Храздан. Говорят, что дом Варажяуни происходит от него. Упомянутый Гелам, как мы сказали, прожив годы, родил Харма, после чего жил еще годы и умер, приказав своему сыну Харма жить в Армавире.

Таким был Хайк, сын Торгома, сына Тираса, сына Гамера, сына Иафета, предок армян, и такovy – его род и потомки и страна их обитания. С этих пор, говорит он, начали *они* размножаться и заполнять страну.

Харма же, прожив годы, родил Арама.

Рассказывают, что Арам совершил много доблестных подвигов в сражениях и что он раздвинул пределы Армении во все стороны. Все народы называют нашу страну по его имени, например, греки – Армен, персы и сирийцы – Арменикк. Но пространную историю его доблестных подвигов, то, как и когда они были совершены, мы, если пожелаешь, представим вне этой книги или вовсе опустим; если же нет, то *дадим* здесь же.

13. О войне и о победе над жителями Востока и о смерти Ньюкара Мадеса. Так как мы охотно сочли работу, выполняемую по твоей просьбе большим удовольствием, нежели для иных – пиршества с яствами и напитками, то согласились вкратце изложить и историю войн Арама Хайкида. То был, как указывает тот же летописец, муж трудолюбивый и любящий отечество, готовый скорее умереть за родину, чем видеть чужеродных сынов, попира-

ющих родные пределы, и инородных мужей, властвующих над его кровными сородичами.

Незадолго до того, как Нин стал властелином Ассирии, Арам, теснимый окружающими народами, собирает множество храбрых соплеменников – лучников и искуснейших копейщиков, юношей и зрелых, ловких в схватках, отважных сердцем и готовых к сражениям – числом около пятидесяти тысяч. У границ Армении он встречает мидийских юношей под предводительством некоего Ньюкара, прозванного Мадесом, гордого и воинственного мужа, как отмечает тот же летописец. По-разбойничьи, подобно кушанам, топча копытами лошадей пределы Армении, он угнетал *страну* в продолжение двух лет. Но тут Арам, нагрянув внезапно, еще до восхода солнца, истребляет все его полчища и, схватив самого Ньюкара, прозванного Мадесом, приводит в Армавир и там велит пригвоздить его к стене на вершине башни, забив ему в лоб железный клин, на обозрение проходим и всем прибывшим туда. Страну его, вплоть до горы, именуемой Зарасп, он обложил данью и держал в подчинении до воцарения Нина над Ассирией в Ниневии.

Нин же, вступивший на престол в Ниневии, таил в душе память о вражде своего предка Бела, проведая о том из преданий, и долгие годы помышлял о мщении, надеясь дожидаться удобного времени для полного истребления всего племени, происшедшего от семени потомков доблестного Хайка. Но в страхе и сомнениях, что при таких действиях его царствование постигнет беда, он затаивает злобу и наказывает Араму твердо держаться своей власти, и разрешает ему носить диадему, унизанную жемчугом, и называться вторым после него *лицом*. Но хватит об этом, ибо предстоящий труд не разрешает нам задерживаться более на этой истории.

14. О войне с ассирийцами и победе; о Пайаписе Каалеа и Кесарии и о Первой и прочих Армениях. Изложим в немногих словах и то, что повеству-

ется после этого в той же книге о его подвигах на Западе и о войне с ассирийцами, объясняя лишь причины и значение событий и представляя долги дела в кратких словах.

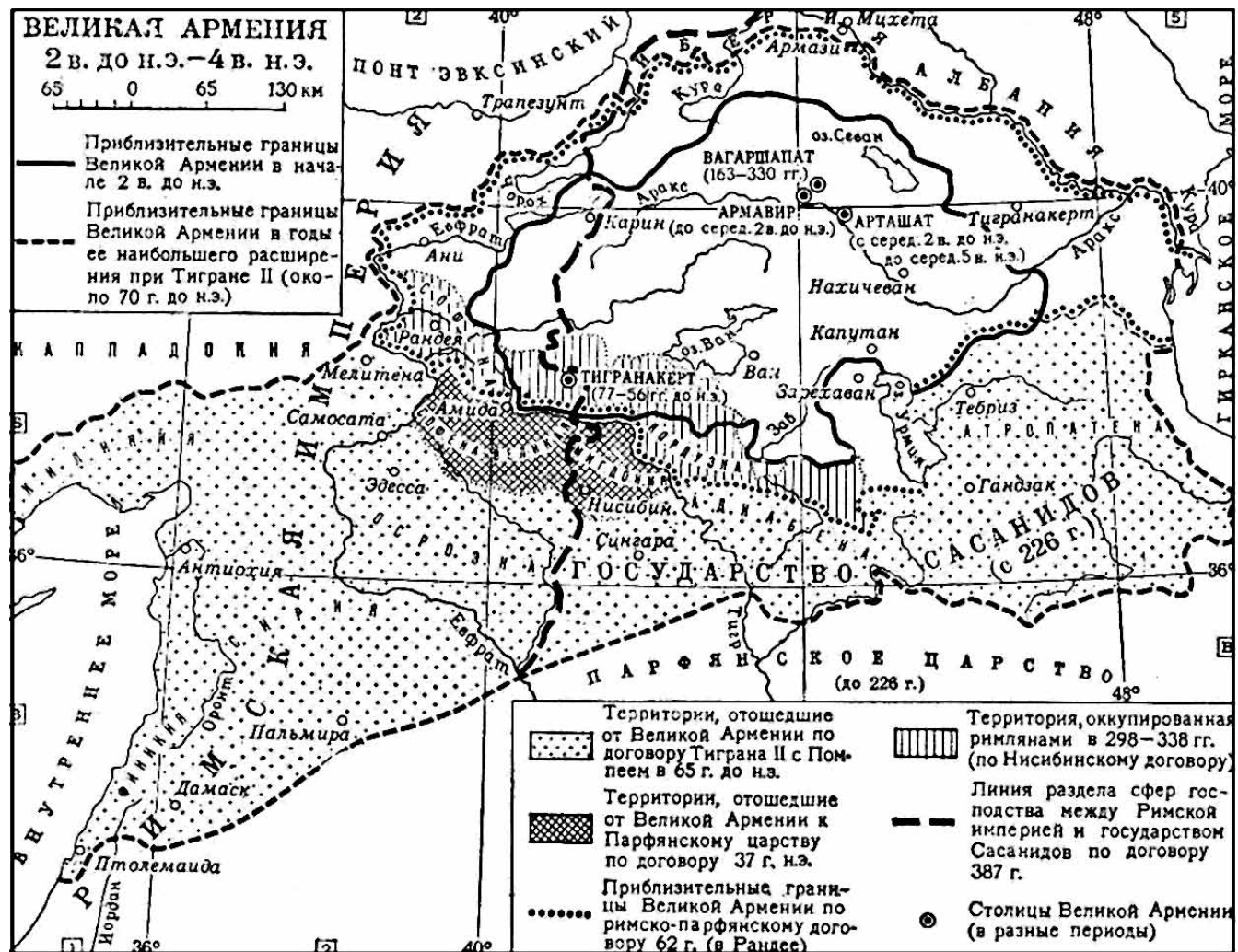
По завершении борьбы с жителями Востока Арам, с той же ратью, движется к пределам Ассирии. Находит и там разорителя своей страны по имени Баршам, из рода великанов, с сорока тысячами вооруженной пехоты и пятью тысячами конницы, который обращал все окрестные страны в пустыню, притесняя их тяжестью налагаемой дани. Арам наносит ему поражение в битве и, истребив многих его *воинов*, гонит его через Кордук вплоть до Ассирийской равнины; сам Баршам погибает, настигнутый его ратниками. Сирийцы обожествили этого Баршама и поклонялись ему долгое время за многочисленные его отважные подвиги. Арам же многие годы взимал дань с большей части Ассирийской равнины.

Нам предстоит еще рассказать о его подвигах на Западе, в борьбе с Титанидами. Он движется на Запад, прибавив к прежнему *войску* сорок тысяч пехоты и две тысячи всадников, и прибывает в пределы Каппадокии, в то место, которое ныне называется Кесарией. И так как он, по завоевании восточных и южных стран, вверил их двум родам, а именно – Сисакеенам – восточные, потомкам же дома Кадмоса – ассирийские, то более не опасался смут откуда-либо. Поэтому он долгое время остается на Западе и там подвергается нападению Титанида Пайаписа Каалеа, который властвовал над страной между двумя великими морями – Понтом и Океаном. Арам вступает с ним в сражение и побеждает его, заставив бежать на один из островов Азийского моря. Сам же оставляет в стране одного из своих сородичей по имени Мшак с десятью тысячами войска и возвращается в Армению.

Однако он предписывает жителям страны научиться армянской речи и языку. Вот почему греки и поныне называют эту страну Проти Армения, что в переводе означает “Первая Армения”. Даста-

керт же, построенный и обведенный невысокой стеной наместником Арама Мшаком и названный им по своему имени, коренные жители этой страны, не умея правильно произнести, именовали “Мажак”, пока в дальнейшем другие не обстроили и расширили его и не назвали Кесарией. В том же порядке Арам, начиная от этих мест до своих ис-

конных границ, заселил многие пустынные земли, которые были названы Второй и Третьей Армениями, как и Четвертой (Арменией). Такова первоначальная и истинная причина наименования нашего западного края Первой и Второй, а также Третьей и Четвертой Армениями. Другое же, что утверждают некоторые в греческой сторо-

не, – для нас неприемлемо; прочие *пусть думают* как хотят.

Итак, Арам настолько прославился могуществом, что окружающие нас народы по сей день, как всем известно, называют нашу страну по его имени. Он совершил еще множество других отважных подвигов, но мы ограничимся упомянутыми выше.

Но почему обо всем этом не упомянуто в коренных царских книгах или в храмовых историях – пусть никто по этому поводу не недоумевает и не впадает в сомнения. Во-первых, потому что его время предшествовало царствованию Нина, а тогда никто не проявлял заботы о подобных вещах; во-вторых, потому что для них не было ни необходимости, ни особой нужды записывать в свои царские или храмовые книги древние предания и давние истории чужих народов и отдаленных стран; да и не было им никакой славы или пользы в доблести и подвигах чужих народов. Но хотя их нет в коренных книгах, они собраны от малых и незаметных мужей – из песенных сказаний и хранятся в царском архиве, как рассказывает Мар Абас Катина. Он же приводит и другую причину: “Как я узнал, Нин, будучи человеком гордым и самолюбивым и желая показать, что именно им положено начало и власти над миром, и всяческой доблести и благодати, приказал предать огню все прежние сборники преданий о совершенных где-либо и кем-либо подвигах доблести, а те, что состоялись в его время, – приостановить и записывать только касающиеся его одного”. Впрочем, повторять это было для нас лишним.

Арам же через годы родил Ара, после чего, прожив еще многие годы, умер.

15. Об Ара и его гибели в войне с Шамирам.

Ара стал попечителем своего отечества за несколько лет до кончины Нина, удостоенный им такой же участи, какой *был удостоен* его отец. А сладострастная и беспутная Шамирам, с давних пор слышавшая о его красоте, желала добиться его, од-

нако явно ничего предпринимать не смела. Но умирает Нин или, как я убежден, бежит на Крит, и Шамирам, открыто отдаваясь страсти, шлет вестников к Ара Прекрасному с дарами и подношениями, со множеством обещаний и с мольбой прибыть к ней в Ниневию и, женившись на ней, царствовать над всем, чем владел Нин, либо же исполнить ее волю и желание и вернуться к себе с миром и с великими пожалованиями.

Так она многократно шлет вестников, но Ара не соглашается, и тогда Шамирам, в великом гневе, прекратив посылку гонцов, спешит с огромными полчищами достигнуть Армянской страны и напасть на Ара. Но по лицу ее было видно, что не столько убить его она хотела или изгнать, сколько покорить его и завладеть им, дабы он удовлетворил ее желание; ибо при присущих ей безумных страстях, она была распалена рассказами о нем так, как если бы видела его. Поспешно достигает она равнины Ара, которая и названа по его имени Айраратом. Перед сражением она наказывает своим полководцам всячески стараться сохранить жизнь Ара. Но в битве рать Ара терпит поражение, и сам Ара гибнет в бою от рук воинов Шамирам. После победы царица посылает на место сражения грабителей трупов искать среди павших предмет ее страстного вожделения. Ара находят мертвым среди отважных бойцов, и она велит положить его в горнице дворца.

Когда же армянская рать вновь ополчается на битву с царицей Шамирам, дабы отомстить за смерть Ара, она говорит: “Я велела своим богам зализать его раны, и он оживет”. Она, обезумевшая от вожделения, и действительно надеялась оживить Ара чарами своего колдовства. Когда же его труп разложился, она повелела бросить его в глубокую яму и засыпать. При этом, тайно вырядив одного из своих любовников, распускает о нем такую молву: “Боги облизили *раны* Ара и, оживив его, осуществили наше заветное желание нам на усладу; поэтому они отныне достойны еще больше-

го нашего поклонения и прославления как исполнители нашей воли, доставляющие радость”. Она возводит некое новое изображение во славу богов и торжественно чествует его жертвоприношениями, желая показать всем, якобы сила этих богов возвратила Ара к жизни. Таким образом, распустив по Армянской стране эту молву о нем и удовлетворив всех, она добилась прекращения войны.

Этого краткого упоминания о делах Ара более чем достаточно. Прожив годы, он родил Кардоса.

16. О том, как после смерти Ара Шамирам строит город, речную плотину и свой дом. После столь благоприятного исхода событий Шамирам, пробыв некоторое время на равнине, называемой по имени Ара Айраратом, поднимается в гористые области южной части страны, желая освежиться в долинах и на цветущих полях, ибо наступило летнее время. При виде красоты страны и чистоты воздуха, прозрачных струй родников и журчания быстрых рек она говорит: “Должно нам построить город и дворец для обитания *в местах* со столь умеренной погодой и столь чистой водой и землей, дабы проводить в полной уюте четвертую часть года, то есть лето, в Армении, а остальные три времени *года* с прохладной погодой – в Ниневии”.

И обойдя много мест, она с востока подходит к берегу соленого озера и видит на побережье продолговатый холм, тянущийся к закату солнца, чуть повернутый к северу, а на его полуденной стороне круто вздымающуюся скалу, обращенную прямо к небу; к югу же от холма, в отдалении – удлиненную плоскую долину, отлого спускающуюся с восточной стороны горы к берегу озера, обширную и красиво испещренную ущельями, по которой стекали идущие с горы потоки ключевой воды, просачиваясь сквозь расщелины и доли и сливаясь у подножия горных отрогов в просторную роскошь рек; *видит* и немало селений в глубине долины, построенных по обеим сторонам вод, а к востоку от приглянувшегося ей холма – невысокую гору.

Здесь-то и останавливает свой взор Шамирам,

особа с мужским сердцем и сладострастная, и приказывает без промедления привести в облюбованное ею место сорок две тысячи простых рабочих из Ассирии и других подвластных стран и шесть тысяч отобранных ею искусных во всем мастеров по дереву и камню, по меди и железу – в совершенстве владеющих своим ремеслом. Приказанное было выполнено в точности. Немедленно была приведена разнородная толпа рабочих и многочисленные умельцы-знатоки. Она повелела прежде всего построить речную плотину невероятной ширины и высоты, соорудив ее из обломков скал и огромных камней и скрепляя их известью и песком. Как говорят, она нерушимо сохраняется до нынешнего дня. В проемах этой речной плотины ныне, как мы слышали, находит себе убежище население страны, скрываясь от разбоя и угона, как если бы приютилось на скалистых вершинах гор. Тщетно пытался бы кто-либо, как бы он ни старался, оторвать из кладки плотины камень, пригодный хотя бы для пращи. Искусная же заливка, скрепляющая камни, на вид похожа, пожалуй, на растопленное сало. Так она протянула эту плотину на расстояние многих стадий, до места, предназначенного для города.

Шамирам велит разделить здесь толпу на многие разряды и назначить во главе каждого разряда наставниками избраннейших из мастеров. Так, принуждая их к тягчайшему труду, она всего за несколько лет создает это чудо – обведенный крепчайшими стенами с медными воротами *город*. Внутри города она возводит много прекрасных дворцов, украшенных разноцветными камнями, двухэтажных и трехэтажных, обращенных каждый, как положено, к солнцу, делит город на части прекрасными и широченными улицами. Строит в нем в нужных местах великолепные, достойные удивления бани. Часть речных вод отводит в город для различных нужд и орошения садов и цветников, а другую часть – на побережье озера, справа и слева от города, для орошения всех его

окрестностей. Восточную, северную и южную стороны города сплошь украшает дастакертами, кучами ветвистых деревьев, разнообразных по своим плодам и листве; насаждает она там также много различных плодоносных *деревьев и лозы*, дающие вино. Так она создает великолепный и славный во всех отношениях и крепкостенный *город* и заселяет его несчетным множеством людей.

Что же касается вышгорода и всех его диковинных сооружений, то многие тщетно старались оз-

накомиться с ними, и рассказать о них невозможно. Обведя вершину холма стеной, она устраивает там некое жуткое тайное царское обиталище с малодоступными входами и адски трудными выходами. Каково расположение этого сооружения – в точности слышать от кого-либо нам не доводилось, и мы не собираемся включать это в наше повествование. Скажем только, что из всех царских свершений это, как мы слышали, считается первейшим и великолепнейшим.

Внутри же солнечной стороны скалы, при такой твердости вещества, что на ней и железом не проведешь теперь никакой черты, она чудом вырубил много покоев, опочивален, казнохранилищ и глубокие ниши, не ведомо никому для чего предназначенные. И выровняв всю поверхность скалы, как стилем – воск, она начертила на ней множество письмен, один только вид которых повергнет в изумление любого. И не только здесь, но и во многих других местах Армянской страны она велит установить каменные столпы и начертать на них *надписи* в память о себе теми же письменами.

Итак, мы рассказали о деяниях Шамирам в Армении.

17. О том, почему Шамирам истребила своих сыновей и как бежала от мага Зрадашта в Армению и умерла от руки своего сына Ниния. Каждое лето Шамирам, отправляясь в северные края, в город летнего пребывания, построенный ею в Армении, оставляла наместником и управителем Ассирии и Ниневии Зрадашта – мага и родовладыку маров. Придерживаясь в течение многих лет такого порядка, Шамирам полностью доверяет ему осуществление своей власти.

Многokrатно подвергаясь порицаниям своих сыновей за сладострастие и слишком распутный нрав, она истребляет их всех, и выживает лишь младший из них, а именно – Ниний. Она и не проявляла никакой заботы о своих сыновьях, делясь

Персеполь. Крылатые быки у входа в пропилеи Ксеркса.

своей властью и сокровищами со своими друзьями и любовниками. Да и муж ее Нин, как говорят, не умер во дворце в Ниневию и не был похоронен ею, а бежал на Крит, оставив царскую власть, после того как узнал ее развратный и злобный нрав. Сыновья же, возмужав и созрев разумом, напоминают ей все это, думая отвратить ее от бесовской похотливости и *уговорить* передать им власть и сокровища. Но она, разъярившись пуще прежнего, истребляет их всех, и остается лишь, как мы сказали выше, Ниний.

Когда же из-за каких-то провинностей, допущенных Зрадаштом в отношении царицы, между ними возникают раздоры, Шамирам идет на него войной, ибо мар задумал захватить всю власть. Война разгорается, и Шамирам спасается от Зрадашта бегством в Армению. Тут Ниний, улучив удобное для мщения время, убивает свою мать и становится царем над всей Ассирией и Ниневией. Вот мы и рассказали, отчего и как умерла Шамирам.

18. О том, что действительно сначала имела место война Шамирам в Индии, а потом уже – ее смерть, происшедшая в Армении. Дабы не сделаться нам посмешищем для людей, *скажу, что я знаком с рассказом Кефалиона, который в числе многого прочего говорит прежде о рождении Шамирам затем о войне Шамирам с Зрадаштом и о победе Шамирам и только после этого – о войне с индийцами.* Но нам более достоверным, чем это, показали разыскания Мар Абаса Катины по халдейским книгам. Ибо излагает он последовательно и объясняет причину войны. К тому же и легенды нашей страны подтверждают мнение многоопытного сирийца, рассказывая о смерти Шамирам именно здесь, и о бегстве ее пешком, и о жгучем желании – жажде воды, и его утолении, и о том, как настигли ее меченосцы, и как *бросила она* ладанку в море, и о словах *песни* о ней: “Ожерелье Шамирам брошено в море”. Но если ты любишь легенды, *то знай* – Шамирам *обратилась* в ка-

мень прежде Ниобеи. Однако об этом достаточно. Перейдем к дальнейшим событиям.

19. О том, что произошло после смерти Шамирам. В этих главах я, приведя все в соответствие, последовательно представлю старейших мужей и предков нашего народа, предания о них и свершения каждого из них, не прибавляя ничего вымышленного к тому, что сказано в книгах и, следовательно, к словам мудрых мужей, знатоков всего этого, *в чьих трудах* мы постарались тщательно отобрать все записи о древности. И скажу, что мы в этой истории придерживаемся истины по отверженности нашей к правдивости. Что *все* составлено именно так, – то известно Богу; люди же пусть хвалят или поносят – это нам безразлично, и мы далеки от этого. Но соответствие в рассказах и согласие в числе и порядке потомков указывают на точность нашего труда. И расположив все это таким образом, либо *с полной* достоверностью, либо же с незначительными отклонениями от правды, начинаю *повествовать* тебе о дальнейших событиях из истории сплетения полезностей.

Итак, после смерти Шамирам от руки ее сына Замеса, то есть Ниния, что произошло после убийства Ара, мы признаем следующий достоверный порядок. Ниний, убив свою сластолюбивую мать, становится царем и живет в мире. При нем завершаются годы жизни Авраама.

Начиная с него, мужи *следуют* не по происхождению, а по преуспеянию; и все они от Авраама. Когда Иисус сразил хананеев, те бежали от него в Аграс, плывя на Тарсис; это видно по надписям на каменных столпах в стране африканцев, сохранившихся до нынешнего дня, на которых написано в точности так: “Мы, хананейские нахарары, бежавшие от разбойника Иисуса, прибыли сюда на обитание”. Один из них – наш почтеннейший Кананидас – *оказался* в Армении. Мы навели справки и досконально выяснили, что поколения рода Гнтуни вне всяких сомнений происходят от него; да и обычаи мужей этого рода выдают в них хананеев.

Еще при своей жизни Шамирам, в память о своей прежней любви к Ара Прекрасному, сына его от любимой жены, Нвард, достигшего ко времени смерти Ара двенадцати лет, нарекает по его имени Ара и, выказав ему дружеское доверие, назначает на управление нашей страной; говорят, что и смерть он принял в войне с Шамирам.

Но *летописец* продолжает повествование следующим образом. Араев Ара умирает в войне против Шамирам, оставив сына, высокоодаренного и искуснейшего в делах и речах, Анушавана Сосанвера. Ибо он был, согласно обрядам, посвящен платанам Араманеака, что в Армавире; шелест и направление движения их листы при слабом или сильном дуновении воздуха долгое время служили предметом гадания в стране Хайкидов.

Анушаван довольно долгое время томился при царском дворе, терпя унижения от Замеса, но с помощью доброжелателей он получил в управление, с условием выплаты дани, сначала часть нашей страны, а затем всю ее. Но будет слишком, если мы станем передавать в этой главе все достойные *упоминания* слова и дела перечисленных выше мужей.

21. Паруйр, сын Скайорди, первым становится царем Армении; он помогает мару Варбаку завладеть царством Сарданапала. Оставим несущественное и расскажем необходимое. Последним из тех, кто жил при ассирийском владычестве после Шамирам или Нина, я назову нашего Паруйра при Сарданапале, который оказал немалую помощь мару Варбаку в овладении царством Сарданапала.

И вот я испытываю немалую радость и ликую, дойдя до времени, когда потомки нашего коренного предка достигают царского сана. Поэтому нам стоит приложить здесь большие усилия, изложить много сведений и глав, коих основу мы удостоились прочитать в четырех разделах *книги* плодovitого в повествованиях и мудрого, мудрейшего из мудрецов.

Варбак, родом мидиец, из незначительных ок-

раинных мест этой недоступной области, хитрейший в житейских делах и отважный в бою, узнав о робком нраве, сластолюбивой слабохарактерной лености Тоноса Конколероса, умножает щедростью своего нрава и руки число своих друзей среди храбрых и полезных людей, благодаря которым Ассирийская держава в то время управлялась особенно большой твердостью. Привлекает к себе и храброго нашего нахарара Паруйра, обещая ему царские почести и знаки. Собирает полчища храбрых мужей, искусно владеющих копьем, луком и мечом. Таким образом он завладевает царством Сарданапала и властвует над Ассирией и Ниневией. Но, оставив других управлять Ассирией, он переносит *центр* государства в *страну* маров.

Но ты не удивляйся, если у других об этом повествуется иначе. Ибо как мы уже выше, в первых наших главах, порицали нелюбезный нрав и склонности наших предков, так это проявляется и здесь. Ибо деяния отца Навуходносора были записаны их хранителями памятных записей, а *деяния* наших, не помышлявших о таких вещах, стали упоминаться лишь в последнюю очередь. Если же спросишь – откуда нам так хорошо известны имена наших предков, а во многих случаях – и их деяния, отвечу: из древних халдейских, ассирийских и персидских архивов; ибо их имена и деяния, как должностных лиц, управителей и великих наместников, назначенных царями, были включены в их записи.

22. Ряд наших царей и их перечисление от отца к сыну. Итак, я теперь перехожу к перечислению наших мужей, в особенности – царей, до владычества парфян. Ибо мне особенно дороги именно эти из наших царей, как коренные, крови моей сосуды и подлинно родные. Я был бы счастлив, если бы Спаситель явился в то время и выкупил меня и я родился бы на свет при них, вкушал радости под сенью их власти и избежал нынешних бед. Рано же скрылась от нас эта удача и этот жребий! Но ныне я, живущий в царствование чужеземцев, введу на-

ряду с ними также линию царей нашего народа, ибо те мужи, имена которых я приведу ниже, являются коренными венценосцами нашей страны.

О том, что действительно в то время имелось царство нашего народа, свидетельствует и пророк Иеремия в словах, призывающих на войну против Вавилона: “Созовите, говорит он, царство Айраратское и воинство Асканазское!” Этим подтверждается существование в то время нашего царства.

Но мы, устанавливая ряд, *приводим* при нем и царей маров.

Первый из маров Варбакес, *затем* Деокис, Модакес, Праортис, Сосармос, Кваксарес, Артикас, Аждахак, а первый из наших, увенчанный маром Варбаком, – Паруйр, сын Скайорди, Храчеа.

Этот назван Храчеа из-за особенно светлого лица и огненных очей. Говорят, что в его время жил Навуходоносор, царь Вавилона, уведший в плен иудеев. И он, говорят, выпросил у Навуходоносора одного из пленных иудейских вождей, по имени Шамбат, привел его и поселил в нашей стране, с большими почестями. Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это

правда. Мы потом обстоятельно расскажем, каких усилий стоило нашим царям склонить их к идолопоклонству, или сколько из них и кто именно заплатились жизнью за богопочитание. Ибо некоторые не заслуживающие доверия люди произвольно, не считаясь с истиной, утверждают, что твой венцезолагающий род Багратуни происходит от Хайка. По этому поводу скажу: не верь подобным глупостям, ибо в этих словах нет ни следа или признака правды, ни отдаленного намека на нее; они только и бубнят пустые речи и разные нелепицы про Хайка и про подобных ему. Но узнай, что твое имя Смбат, которым Багратуни часто нарекают своих сыновей, это, по-настоящему, на их прежнем, то есть иудейском, языке – Шамбат.

Затем были Парнаваз, Парос, Пачуйч, другой Хайкак, Корнак, Ерванд Кратковечный, Тигран.

Я полагаю, что позднейшие Ерванд и Тигран названы по этим *мужам*, в надежде на сходство с ними; время не очень отдаленное, и кто-то вспомнил эти имена.

Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990.

Слева – сфинкс у караульного помещения крепости Эребуни. Реконструкция.

Справа – центральный вход в музей Эребуни.

